

ПРЕДИСЛОВИЕ

14.04.2016

18:00

Москва

Библиотека имени Лермонтова

Мне кажется, этого момента я ждал всю свою жизнь. Да — это презентация моей книги, моей «нетленки», написанной кровью, потом и слезами.

Звучит немного пафосно, и вы, читая эти строки, наверняка улыбнётесь: какие могут быть слёзы, какая кровь, какой пот?! Да мы, когда на даче картошку копаем, больше потеём, чем ты со своими «нетленками»!

Тем не менее это всё правда. Я бы мог показать вам разбитые в кровь кулаки, когда я от отчаяния и творческой пустоты дубасил по кафельной стенке. Или капли пота, которые капали на мой блокнот с набросками, когда мысль упрямо не шла и не рождалась, а слёзы... Их вы можете увидеть в каждой строчке и каждой букве. Похоже, вся книга была написана слезами.

Ну да, опять звучит помпезно. Но я и вправду помню, как сидел один на подмосковной даче

своей прекрасной дамы (она снова уехала закупать сырьё для своей фабрики куда-то в Азию), и мне казалось, что вся жизнь кончена. Тогда я снова вырывал листки из блокнота и швырял их в огонь.

Было понятно — никто в меня не верит и никогда не верил... Только мой кот, старый добрый Ричи, сидел у моих ног, тёрся об меня своим толстым пушистым пузом и мурлыкал, хотя я его даже не гладил.

Ричи, Ричи! Мой верный мистер Кот, ты своим присутствием помогал мне писать эти котективы, которые я никогда не считал настоящей литературой, но их почему-то любили, хотя я-то знал, что создан совсем для другого. Для великих книг, а не этих поделок...

Я уходил и возвращался, поднимался и падал, и наконец книга — главная цель моей жизни, да и вообще вся жизнь моя — была написана.

Издательство, в котором я публиковал свои котектитвы, мне сразу отказало: не продастся. А мой литературный агент сказала, что эта вещь может стать известной, но, скорее всего, её никто не поймёт — настолько сильно она написана. «Нишевая», «фестивальная», «субкультурная» работа, — добавила она. — Но денег ты с неё не заработаешь, разве что Нобелев-

скую премию получишь». — «Деньги — грязь, — ответил я ей, — мы работаем только для того, чтобы изменить мир». Она улыбнулась, и мы подписали договор. 20 процентов от гонорара уходило ей, а поскольку гонорара не было, эти 20 процентов аванса мне пришлось платить из своего кармана. Впрочем, мой карман тоже давно был пуст. Эти деньги дала моя прекрасная дама, и глаза её при этом светились от счастья. Мне было стыдно, как никогда в жизни.

Так вот, презентация моей «нетленки» состоялась, конечно, не в книжном магазине «Москва» на Тверской и не в Доме книги на Новом Арбате, а в читальном зале Библиотеки имени Лермонтова.

И сейчас я сижу в раздевалке среди замызганных грязью курток, пью пакетированный чай из кружки с отбитым краем и жду своего выхода. Очень хочется добавить в чай пару капель коньяка, но это будет большой ошибкой. Потом, после выступления.

Библиотекариша сказала, что народу пришло больше, чем они ожидали. И пришёл настолько важный человек, что, когда я узнаю об этом, я просто буду прыгать от восторга. А триумфа, радости и восторга почему-то

нет, есть бесконечная усталость и опустошённость. Ощущение, как будто я боксёр, который безнадёжно проиграл свой бой, но почему-то должен стоять на ногах, держать рефери за руку и смотреть, как объявят победителем другого, а не меня. Такие правила игры.

И Ричи сидит у меня в ногах, свернувшись на чьей-то растерзанной сумке, и не мигая смотрит мне в глаза, как будто всё понимает.

То есть он, конечно, в самом деле все понимает, просто не знает, каково это — быть писателем, который ровно через 2 минуты пойдёт на презентацию своей первой настоящей книги.

Всё, пора, спасибо, Рич, снова со мной только ты один, я иду...

«Литературная газета»

14 апреля 2014 года

«Триумф разорвавшейся тишины»

Презентации книг молодых писателей — мероприятие обычно унылое. Приходят на него репортёры заштатных малотиражек, блогеры-«десятитысячники» и потёртые тусовщики. Не

было исключением и это мероприятие — презентация книги известного автора кошачьих детективов, который решил себя попробовать в фундаментальной современной прозе.

Никто не мог поверить, что автор текстов про хвостатых пушистиков способен написать что-то серьёзное, поэтому большинство литературных критиков проигнорировали это мероприятие. Однако в какой-то момент просочилась инсайдерская информация, что к изданию книги приложила руку знаменитый литературный агент, которая выковала многих на небосклоне современной литературы, и это заставило меня призадуматься. Когда я узнал, что на мероприятии будут присутствовать несколько известных мастодонтов литературной критики и даже знаменитый главный редактор одного зарубежного издательства, то понял, что должен быть там!

И знаете, нисколько не пожалел об этом. Тонкий, нервный писатель был похож на тех революционеров, которые меняют «лицо» жизни. Говорил он заикаясь и срываясь в голос так, что всем нам внезапно стало стыдно. Кто мы, что мы делаем и кого пришли судить? Прочитанные строчки из его полуавтобиографического произведения заставили нас сначала

съёжиться, а потом раскрыться, как устричные раковины.

Прекрасная, точно сошедшая с картин Рафаэля, женщина, сидевшая на первом ряду, рыдала, не сдерживая слёз. После громовых оваций она подошла, обняла писателя и крепко его поцеловала. Я понял, что настоящая любовь существует. Затем откуда-то издалека выбежал толстый чёрный кот с белым пушком на груди и, подпрыгнув к писателю на руки, принялся лизать его прямо в лицо. После отзывов критиков мы поняли, что увидели зарождение новой звезды на литературном небосклоне.

Уже очевидно, что за этот небольшой текст, купленный одним небольшим издательством, будут бороться гиганты российского и, конечно, зарубежного книгоиздательства. Когда я увидел одного из владельцев международного концерна, базирующегося в Китае, то не поверил своим глазам — оказывается, даже титаны бизнеса заинтересовались нашим писателем!

Мы поздравляем не только автора, но и нас самих, всю Россию и весь мир с тем, что скоро мы увидим настоящего писателя, который изменит нашу скучную, серую и бессмысленную

Морские котики. Крысобои не писают в тапки!

жизнь. Это был тихий и безмолвный эффект разорвавшейся бомбы. Бомбы, которая наконец-то исправит весь наш мир и создаст его чистым, новым и правильным.

Александр Боев, спец. корр.

Поздравляю, великий писатель!

Теперь я со всем основанием могу тебя так называть! Я всегда верила в тебя. Даже тогда, когда мы встретились в Праге и ты, смешно вспомнить, притворился олигархом... Я сразу поняла, кто ты на самом деле — как только ты начинал читать мне стихи. Как ты тогда преображался и превращался в прекрасного рыцаря, в печального странника, в ослепительного воина... Видишь, ты сам научил меня говорить как поэт.

Знаешь, я всегда, с самого начала, знала, что всё у тебя получится. Что ты всего добьёшься и всем докажешь. Что ты выносишь, создашь, сотворишь свою «нетленку», как ты её называл. И ты это сделал. Да, отступал, падал, бежал и снова возвращался, и я, как могла, помогла тебе. Прости, если мало — в конце концов, я не гений, я всего лишь обыкновенная женщина.

Тебе будет тесно со мной, великий писатель. Я не могу тебя держать. Тебе надо идти

дальше, творить, изменять мир своими «нетленками». Моя дача — в твоём распоряжении. Ты можешь делать там всё, что хочешь (даже водить женщин, если это тебе понадобится для вдохновения), только, пожалуйста, осторожнее с камином. И с алкоголем тоже. Я знаю, что Джон Ячменное Зерно или Иванушка Пшеничкин — это твой верный друг и помощник, но, помнишь, я всегда говорила, что он может тебя предать.

А я тебя не предаю. Мне правда нужно уехать в Китай — по бизнесу. Надолго. Может быть, очень надолго. А господин Лю — это просто партнёр, ничего такого не думай.

И не думай обо мне.

Думай о своих «нетленках».

Я в тебя верю.

Удачи, великий писатель!

от: DG

дата: 21 апреля 2015 г., 13:24

**тема: Re: по поводу работы
отправлено через: gmail.com**

Здорово, писатель!

Наслышаны, наслышаны о твоих успехах. Поди зазнался на своём литературном олимпе,

Морские котики. Крысобои не писают в тапки!

забываешь нас — старую гвардию, твоих олдовых дружбанов, с которыми выпил не одну бочку!

Я тут разбирал почту и нашёл твоё письмо двухгодичной давности, где ты просишь помочь с работой. Сорри, тогда не ответил, реально — был завал. Да и в любом случае никакой работы не было, меня тогда тоже выперли из рекламного агентства.

Дальше там была куча приключений, а вот сейчас открыл небольшую диджитальную компанию, и дело как-то пошло.

Занимаемся и креативом, и производством, и стратегией с аналитикой. С нами теперь Димка Ульянов (тоже из нашей бывшей команды, может, помнишь его) — так вот он притащил европейских клиентов. Потом завербовали Майка Гибсона, он тоже сидел на мели. Прикинь, сам Майк Гибсон с нами!

Именно Майк посоветовал нам перевезти всю команду на Кипр. Тут проще с налогами, ну, и дешевле, чем в Москве. Первая партия бойцов уже переехала, я пакую вещи.

Так вот, нам нужен спец по пиару. Я как-то сразу вспомнил про тебя. Если ты ещё не совсем чокнулся на почве литературы — буду рад видеть тебя в нашей команде.

Твой друг, ДГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

**в которой пришло время
разбросать собранные камни**

Августовское солнце гоняло в саду жёлтых зайчиков по высохшей траве. Было душно, словно собиралась гроза. Ричи выглянул за дверь и вздохнул: погода была такая же давящая и мрачная, как и настроение дома.

А в доме было непривычно пусто и тихо. Никто больше не звал его, Ричи, чтобы пробежаться до соседского забора и посмотреть на забавных котят, никто не мурчал ему вечерами у камина, не сопровождал в ночных прогулках по крышам. А его «двуногий» и вовсе зачах без внимания.

Ричи прошёл в комнату. Теперь тут было довольно грязно и неудобно. На полках остались чёткие следы: вот здесь что-то лежало, а теперь — пустое место, чистый квадратик на запылённой полке. В шкафу опустела часть полок, откуда-то выглядывал одинокий носок «двуногого». В углу, где привычно стояла переноска Маси, навалился на стену неуклюже при-ткнутый «двуногим» фикус.

Дача казалась чужой и нежилой. Ричи снова вздохнул и побрёл на кухню. Там было ещё тоскливее: сиротливо жалась в углу его собственная миска, а Мasiной мисочки рядом не было.

Весь этот бардак продолжался уже третью неделю. Всё произошло как в дурном сне: какие-то разговоры «двуногих» на повышенных тонах, частые одинокие поездки куда-то красавицы-«двуногой»... Мasiя не рассказывала, что происходит с её подопечной, но была невесёлой и непривычно молчаливой. Ричи никак не мог разговорить её и в конце концов оставил эти попытки. А потом однажды «двуногая» взялась собирать чемоданы. Она что-то говорила про то, что собирается куда-то по работе, но без всяких подробностей — просто долгая командировка.

Ричи мрачно поддел лапой кусок луковой шелухи на полу. Тот улетел под стол, но котективу не хотелось вытаскивать его оттуда. Если бы можно было что-то сделать с его воспоминаниями так, как с шелухой: запулить куда подальше, чтоб и не видеть, и не вспоминать, а потом на большой уборке вынести с остальным хламом куда-нибудь подальше!..

Когда «двуногая» собрала свои и Мasiны вещи, стало ясно, что это не временный кри-

зис. Маша просто молчала. «Двуногая» даже не попросила довести их до аэропорта: просто не надо, и всё.

Ричи и «двуногий» проводили кошку и её «двуногую» до такси и даже не поцеловались на прощание. Котектив кинул последний взгляд на Машу, но та отвернулась. Всё, в общем, было понятно и без слов: где-то там «двуногую» наверняка встречает новый партнёр с новым котом.

Ричи не мог понять, что произошло. Лето так чудесно начиналось, дела шли замечательно, горизонт был ясен. Детективная работа шла как по маслу, все препятствия исчезали сами собой. У «двуногую» наконец сложилось с «нетленкой». И тут такое — ни с того ни с сего. «Двуногий» тоже, определённо, не ожидал такого развития событий — он был подавлен и мрачен. Несколько дней не появлялся дома, а затем пришёл в порванном пиджаке, снова со здоровенным фингалом под глазом и запахом перегара. И после этого ни словом не упоминал «двуногую», словно её и не было, и делал вид, что всё в порядке.

Ричи тоже старался не подавать виду, что у него на душе скребутся мыши. Как мог, он подбадривал «двуногую», а тот — котектива.

Морские котики. Крысобои не писают в тапки!

Они почти не выходили из дома, не общались со знакомыми и соседями, а когда те заходили, сообщали сухо: Маша и «двуногая» уехали по работе. Без подробностей. Знакомые пожимали плечами, но особо проницательные догадывались о том, что что-то пошло не так, и старались помочь в холостяцкой жизни. Соседка изредка приносила «двуногому» домашние котлеты — мол, у неё слишком много получилось, она сама не съест. Пару раз забредал Лыжин, показывал своего котёнка, приносил пиво для «двуногого» и свежую рыбку для Ричи.

Соседские кошечки поглядывали из-за забора, но котектив был суров и на их заигрывания не реагировал. Зато пара старых знакомых иногда забегала рассказать о том, что творится в мире, у кого новая невоспитанная собака, где новые жильцы развели кроликов, а то и предлагали пройтись к обнаруженным у речки кустикам кошачьей мяты и валерьяны. Последнее, впрочем, Ричи отметал как недостойные котектива варианты расслабления.

Он развернулся и снова побрёл в сад. «Двуногий» попался ему навстречу на ступеньках.

— Ну что, мистер Кот, грустишь? Да не стоит оно того, — почесал он котектива за ухом.

Ричи в ответ муркнул неразборчиво — мол, да не то чтобы грущу, просто настроения нет, и тряхнул лапкой.

— Погода противная, это да, — кивнул «двуногий». — Ничего, скоро дождик пройдёт и легче станет. У меня вот голова весь день болит. Пойдём, посидишь со мной?

Ричи развернулся и пошёл со своим компаньоном обратно в комнату. «Двуногий» уселся в кресло и вытянул ноги. Кот устроился на подлокотнике.

— Знаешь, я всё это время размышлял и понял, что всю жизнь занимаюсь не тем. Просто не тем. Вечно бьюсь головой об стену, которую пробить мне ни за что не удастся. У меня всегда отлично получалось именно то, чего я не хотел. Я не хотел ходить в офис, не хотел заниматься бизнесом, а любил искусство. Ну, и вот она, моя «нетленка», — взял он с тумбочки книжку, — а толку-то? — «Двуногий» помахал в воздухе томиком и, раздражённо бросив его обратно на стол, продолжил: — И вот судьба уже прямым текстом говорит, мол, прекращай этой дурью маяться. Куда уж яснее намёк, правда, Ричи? Пора менять всё и меняться самому. Вот-вот наступит осень, а я решил устроить себе новый учебный год. Понимаешь?

Ричи внимательно следил за «двуногим».

— Конечно, понимаешь... Так вот, пора начинать новую жизнь. Новый год. Кстати, наши далёкие предки праздновали Новый год именно осенью. Действительно, урожай уже собран, понятно, кто как поработал весной и летом, можно в прямом смысле пожинать плоды. Какие-то итоги получены, теперь — время обновления, переработки полученного опыта и запасов. Было время собирать камни, а теперь пришло время разбрасывать. Время обновляться, анализировать, понимать и вставать на новый путь.

«Двуногий», а так рассуждать научился, — отметил Ричи. — Что переживания с людьми делают...» Котектив перебрался к хозяину на колени, показывая, что он поддерживает его начинания.

— Так вот, мистер Кот, я решил вернуться к тому, что у меня всегда хорошо получалось. Удавалось легко и удачно. Я собираюсь вернуться в дело. В бизнес. К чёртовой бабушке всё это искусство! Искусство-фигуство. Чего оно мне стоило? Попорченные нервы, седина в голове, только беса в ребре что-то не чувствуется. Никакого самоудовлетворения, даже радости уже никакой. Бился головой в стену, раз-

бил себе лоб — и всё. Уйду в пиар. С рекламой у меня всегда складывалось, она выстреливала, работала — значит, это моё настоящее призвание. Я могу и умею это делать, я знаю ходы, у меня ещё сохранились старые контакты. Займусь съёмками, продюсированием. Только не креативом — хватит с меня этой креативности, сыт по горло! — «Двуногий» снял Ричи с колен и возбуждённо вскочил с кресла. — Понимаешь, мистер Кот, я тратил своё время впустую. Всё это время потрачено на бессмысленный сизифов труд, который никому не был нужен и оказался не нужен никому. Даже мне. Тем более — мне! Столько времени улетело в трубу!.. Столько нервов потратил, столько эмоциональных метаний — всё попусту! Но теперь-то я не позволю так издеваться над собой.

«Интересно, о ком это он сейчас?» — подумал Ричи.

— Я буду чувствовать себя нормальным человеком, а не бесконечно упорным неудачником и бездарностью! Теперь, старик, начнётся новая жизнь! — «Двуногий» подхватил пакет с двумя десятками авторских экземпляров «нетленки» и швырнул его в камин. — Да гори оно всё синим пламенем! Пора менять жизнь, Ричи! Что мы забыли в этой дачной дыре?

Кот неопределённо махнул хвостом. Ему было безразлично, оставаться здесь или ехать куда-то ещё: интересных дел в деревне не было, привычная обстановка давила пустотой, но и менять её не слишком хотелось. Но раз «двуногий» предлагает, почему бы и нет?

— Сегодня же едем, Ричи! Димон меня зовёт пиарщиком. На Кипр. Помнишь Димона?

Котектив помнил высокого симпатичного «двуногого» из тех старых-старых времён, когда все ещё были молодыми и счастливыми.

— Я почти собрал чемоданы. Соберись и ты — через пару часов укатим отсюда. Думаю, тебе нужно попрощаться с дачными друзьями, не правда ли?

Ричи утвердительно махнул хвостом и выбежал из комнаты. Надо бы кому-то сообщить, что он уезжает... На улице котектива внезапно захватила волна энтузиазма «двуногого». Действительно, почему бы и нет? Впереди столько интересного и неизведанного! Мир огромный, нет никакого смысла запереть себя в этом уголке, где все всех знают и событий происходит ровно два в неделю: когда приезжает почта и когда собирается ярмарка. Большой мир! Много новых котов, «двуногих» и прочих животных!

Он заглянул в садик соседки и вкратце объяснил кошечке, что сегодня уезжает. Та охнула:

— Но как же так? Так быстро?

— А чего время тянуть? — залихватски подмигнул Ричи. — Слишком мы тут влипли в болото. Пора развеяться.

— Да, понимаю, — вдруг кивнула соседка. — Мне тоже кажется, что тут всё так застоялось и заглохло. Люди начали разъезжаться, скука. Я бы тоже уехала, будь моя воля. Но пока... — Она не договорила, выразительно взглянув на Ричи.

«Ну и ну, — подумал котектив. — А я всё это время не замечал её. Может, надо будет попроситься чуть дольше», — и продолжил рассказ о преимуществах большого мира.

Ровно через два часа, когда солнце в пыльной тёмно-серой дымке клонилось к закату, а на зенит напоздали тёмные тучи, Ричи прибежал к дому. «Двуногий» уже собрался и курил на крыльце трубку.

— Вот и ты! Я уже заждался и начал бояться, что ты захочешь остаться.

Ричи успокаивающе потёрся о его ногу, давая понять, что на такое предательство он не способен.

— Ну и славно. Я собрал твою переноску и твои вещи, вышел всего-то один чемодан. Не-

Морские котики. Крысобои не писают в тапки!

много я нажил, — усмехнулся «двуногий». — Посмотри, не забыли ли мы чего, и поехали.

Ричи обошёл дачу в последний раз: ничего нигде не было оставлено, камин потушен, свет выключен. Он быстро выбежал из дома, который своей теперешней пустотой уже и вовсе пугал его.

— Поехали, Ричи! — крикнул из машины «двуногий».

Котектив запрыгнул на штурманское место. «Двуногий» выехал со двора, запер за собой ворота и неспешно выкатился на деревенскую дорогу, а дальше, всё ускоряясь, доехал до шоссе. Как только он вырулил на трассу, хлестанул ливень. Далёкая гроза загромыхала где-то в полях, в открытое окно ворвался прохладный ветер с каплями дождя.

— Ну что, Ричи, вперёд, на свежий воздух!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

**в которой на сцене
появляются первые артисты**

Вот только уехать сразу и насовсем получается только в фильмах. На практике же всегда выходит гораздо дольше. Никто пока не придумал, как сделать монтаж в реальной жизни, поэтому часто куда важнее сохранить настрой на какой-то период, чем единожды собраться с силами и принять решение.

Да, это было очень важно для них двоих — перечеркнуть прошлое. Решиться. Быстро собрать чемодан, быстро сесть в машину и выдать педаль газа, дождём размыв за собой дороги к возврату. В хорошем сценарии дальше был бы самолёт, солнце, шум прибоя. В жизненном сценарии неизбежно появляются мелкие препятствия и проволочки, особенно у «двуногих».

Ричи никак не комментировал и старался не показывать «двуногому» своего скепсиса. Он правда любил этого бестолкового человека и не хотел его расстраивать. Тем более что момент был важный и для него самого. Он-то, научен-

ный детективной жизнью, ожидал и закладывал небольшой коэффициент просрочки из-за непредвиденного развития событий. Всегда есть непредвиденное, и этот случай не стал исключением.

Получить работу в другой стране, как оказалось, не значит просто договориться со старым другом и отправить скан подписанного контракта по электронной почте. Совсем нет. «Двуногие» придумали себе кучу ограничений — границы, государства, законы. Ричи знал, что нет иного закона, кроме нравственного в нём самом. И с рождения, внутришкурно, это знал каждый кот, а сформулировал доступным языком известный котофилософ в прошлом веке. Нет иного закона и иных правил, кроме тех, что ведут кота по пути морали. «Двуногие» до этого ещё просто не доросли. Там, где можно быть совершенно свободным, они сами себя загнали в рамки правил. Поездка в другую страну требует кучи бумажек, бюрократических процедур — от разрешения на работу и оформленной визы до общения с консульским центром.

Слишком много проволочек, чтобы всё получилось и чтобы полностью ощутить лёгкость принятого решения. Ричи стал серьёзно волноваться, не сдуется ли его писатель,

не дрогнет ли духом? Однако через пару дней Ричи с облегчением понял, что зря волновался. Слишком решительным был отказ от прошлого как для него самого, так и для его человека. Теперь остановиться и отступить просто невозможно.

Затем была поездка на скоростном поезде до аэропорта, досмотр, какие-то бумажки, разговоры с сотрудниками аэропорта. Ричи позволил писателю договориться о месте в салоне. Выяснилось, что в огромном салоне одновременно не могут находиться коты и собаки. Тут котектив мысленно похвалил «двуногих» — хоть немного, но соображают.

Зато маленьких собак, которые и не собаки вовсе, а по уровню интеллекта вообще еле подошли даже к черепахам или людям, позволялось везти в салоне. Вот это было явно лишнее. Однако глупость на этом не заканчивалась! Если место для полёта было зарезервировано котом, то собаке лететь нельзя. А вот если первым полёт забронировала собака, то в салон не пускали кота. Это было просто неслыханно! Ричи негодовал и не стеснялся в выражениях, пока не понял, что и его «двуногий» негодует, и нагнетать атмосферу — значит только откладывать решение вопроса.

Путешественникам повезло, на этом рейсе собак не было вообще, но сам факт подобного отношения возмущал.

За время полёта негатив сошел на нет. Всё-таки летать — это здорово. Потому коты и любят высоту и великолепные прыжки. Для некоторых смельчаков эти прыжки бывают порой последними в жизни, но всё кошачье сообщество к таким экспериментаторам относится с восхищением. Кто знает, а вдруг какой-то самый храбрый кот, рванувшись за птичкой с балкона многоэтажки, расправит лапы, напряжёт хвост и взлетит в самые облака...

Взлёт, гул, маленькие домики внизу, облака и безграничная небесная синь. Ричи полёты нравились, хотя летел он всего третий раз в жизни, но мнение сложить уже успел.

Писатель же высоты не боялся, но всё равно, когда самолёт закладывал крутой вираж, крестился и прикладывался к маленьким бутылочкам, которыми забил карманы своего пиджака.

Что дальше? Вот дальше могло быть страшно. Дело в том, что «двуногий» решил осуществить свою давнюю мечту и купил билет до Салоников, а дальше собирался отправиться в порт и доплыть до Кипра на пассажирском теплоходе.

Вода — это совсем не то, что воздух. Да и вообще под конец вдруг стало как-то грустно и тоскливо. Но пути назад уже не было да и быть не могло.

Путешественники гладко приземлились, получили нехитрый багаж — чемодан на колёсиках и большую спортивную сумку — и вышли из аэропорта под греческое солнце.

Ричи сохранял бесстрастный вид, но давалось ему это с трудом. Было жарко. А может быть, это была обжигающая новизна чужой страны. В своей переноске котектив не находил покоя. Вообще он любил переноску. Мягкая, удобная подстилка и тёмное замкнутое пространство отгораживали от внешнего мира и стимулировали мысли, позволяли сосредоточиться на деталях, которые обычно ускользают от поверхностного восприятия. Такое состояние кот очень любил, своего рода медитация без дополнительных усилий — эдакая маленькая камера самадхи, только для размышлений.

Но в этот раз размышления почему-то не шли, лежать в переноске было практически невыносимо — жарко, муторно, сложно. Сквозь тонкую матерчатую решётку Ричи рассматривал дорогу, людей, местность, подмечал детали, анализировал.

За границей он был лишь один раз — в Праге на выставке, где познакомился с Масей. Тогда, в той поездке, всё было понятно и естественно. Может быть, дело было в Месе и его чувствах к ней, затмивших все иные впечатления, а может, в том, что Прага понятна для жителя России. Она такая же, как Москва, только немного другая, и коты, и люди в ней понятны и чем-то даже близки по духу.

А вот в Греции всё было по-другому. Кошки и люди были другие, природа другая, даже воздух отличался от привычного.

Жаркое солнце хоть и сушило землю, деревья, стены домов, но оставляло при этом ощущение внутренней наполненности окружающего мира. Всё вокруг было какое-то яркое и сонное одновременно. Казалось, сама природа утомилась, но, скорее, довольной усталостью и негой.

Ричи размышлял над тем, что такая двойственность присуща котам. Под их пушистой шкуркой прячутся мускулы, под кажущейся сонностью скрываются мощный интеллект и работа мысли. Однако окружение, природа, даже «двуногие» тоже очень важны. Климат меняет естество, этому, кстати, подвержены и «двуногие», и совсем низшие существа. Проведя всю

жизнь в России, Ричи привык и реагировать иначе, вести себя чуть более «северно». Здесь он чувствовал себя не вписывающимся в этот сонный, разомлевший ритм, а потому внимательно смотрел по сторонам.

На такси они с «двуногим» доехали до порта и стали ждать свой теплоход «Агиа Елени». Писатель, листая рекламные буклеты, открыл переноску, но Ричи предпочёл не выходить из своего мини-дома. Оставаясь практически невидимым, он рассматривал людей в порту, ведь часть из них станет их попутчиками в морском круизе до Лимассола.

— «Агиа Елени» — это Святая Елена! — начал лекцию писатель, прикладываясь к чашке кофе, куда он до этого вылил лошадиную порцию коньяка. — Смотри-ка, что пишут! Оказывается, на Кипре к началу четвёртого века случилась страшная засуха, в результате которой развелось огромное количество змей, угрожавших человеческим жизням. В это самое время остров посетила святая царица Елена, мать императора Константина Великого. Она приказала доставить на остров из Египта и Малой Азии тысячу кошек для борьбы с опасными гадами. Когда-то первые кошки покинули пределы Египта именно на кораблях. Они были верными спут-

никами моряков, кот и одиночество разделит во время долгого морского путешествия, и выслушает, и посочувствует. — На этих словах писатель фыркнул и указал пальцем на морскую синеву: — Так что, Ричи, тоже будешь морским котиком! Так вот, кошки прекрасно справились с поставленной задачей. Они быстро размножились, и через несколько лет остров был очищен от змей. С тех пор кошки стали на Кипре почитаемыми животными.

Ричи слушал своего писателя вполуха, оглядываясь по сторонам. ещё неизвестно, какое их ждёт путешествие, и нужно быть готовым к любым неожиданностям. Вдруг он напрягся и замер — нечто прекрасное грациозно вышагивало по причалу, лениво ступая четырьмя лапками. Красивая эгейская кошка, сопровождаемая не менее красивой «двуногой», будто бы танцевала при каждом шаге. Раскосые зелёные глаза, аккуратные округлые ушки, поджарое тело и ножки, ах, какие ножки!

Ричи взволнованно заёрзал, стараясь проводить взглядом красотку, и вдруг понял, что его переноска движется. Похоже, «двуногий» решил не ограничиваться одним только разглядыванием, а действовать. И зря, ох, зря! После дня на жаре, как ни приглаживай волосы пятернёй,

свежее не станешь. Котектив видел, что они почти приблизились к привлекающей внимание парочке, но, немного подумав, его «двуногий» вдруг сделал пару шагов назад. И правильно.

«Всё-таки он у меня молодец, — подумал котектив. — Нельзя к таким красавицам с наскока. И дело не в самооценке или робости, а просто в ситуации. Надо же оценивать!»

«Двуногая», особенно та, которой явно не раз говорили, что она красива, чаще всего осторожна и недоверчива. Подходить к ней стоит, точно зная, зачем. А для этого надо понаблюдать и подумать. Ричи подогнул лапки и погрузился в созерцание четвероногой красавицы и её достойной «двуногой» компаньонши. Как она смотрит вдаль, когда думает, что её никто не видит. Как нервно двигается кончик её хвоста, когда она притворяется заинтересованной. Ах, как много деталей можно увидеть, если не дать очаровать себя! Если не очароваться самому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой встречаются
святая Елена и пушистая Афина

Сначала из такси показались неправдоподобно длинные и стройные ноги в дорогих туфлях на высоченных каблуках. А потом — потом уже невозможно сказать, что стало следующим. Может, это было потрясающее платье от модного кутюрье, может, огромные солнечные очки на миловидном личике или шляпа с широкими полями, которые могут носить только очень красивые люди и не выглядеть при этом смешно. А может, это была корзинка, в которой гордо восседала кошка платинового цвета с красиво очерченными чёрным голубыми глазами.

Афина смотрела на мир лениво и свысока. Фотини совсем на мир не смотрела. Но это только на людях так, только когда они покидают дом, в котором разбросанные там и сям мягкие игрушки, в котором повсюду пустые бутылки вина и обёртки от шоколадных конфет. Это там, дома, Афина и Фотини простые и смешливые. Там узкие лодыжки Фотини закрыты тёплыми носками, а Афина носится как ненор-

мальная за игрушечными мышками. Там они засыпают в гостиной на диване перед экраном, где чередуются цветные картинки под аккомпанемент простых мелодий.

Когда Афина впервые встретилась с Фотини, на мир она смотрела запуганными глазами. Смотрела снизу, из-под груды хлама, на какой-то помойке в Салониках.

Свою мать Афина почти не знала. Она помнила её нежный и тёплый запах, её шершавый язык, но ни разу толком не видела. Афина и ещё двое таких же нежных комочков, её братьев, целую неделю провели в обнимку со своей матерью. В то утро, когда у Афины правый глаз стал слегка приоткрываться, она увидела изящный, но очень размытый силуэт кошки, выпрыгнувшей из коробки. Этот дымчатый абрис был её матерью. Она убежала на пару минут утолить голод и больше не вернулась. На задворках крохотной таверны, где мать-одиночка хотела перехватить немного обедков, её задрали бойцовые собаки какого-то «двуногого», пожиравшего внутри огромные порции двуножьего корма.

Сначала Афина и её братцы боязливо молчали. Затем ужасно проголодались. Очень хотелось пить. Братья всё время плакали. Афина хотела их успокоить и начала повторять движе-

ния, которые помнила, — она обнимала братьев и вылизывала их шерсть. Это было мучительно. Жажда не давала слюне образовываться, язык резало, в рот попадала шерсть.

«Спите, спите! Сон прогонит голод», — шептала она фразу, которую запомнила от мамы. Когда у Афины полностью открылись глаза, она увидела, что один из котят утром не проснулся. Зато в углу коробки образовалась лужица дождевой воды. С жаждой проблем больше не было, но голод становился невыносимым. Котята начали громко мяукать, уже не надеясь на возвращение матери, они просто всё время кричали, чтобы хоть кто-то подошёл к ним, если в этом мире кто-то вообще есть.

Тогда котят чудом нашёл их отец. Он даже не знал об их существовании, а если бы и знал — это вряд ли бы что изменило.

Услышав писк на помойке, где накануне налился валерьянки со своими случайными знакомцами сомнительной репутации, Памбос, не поняв даже зачем, заглянул в коробку. И увидел крошечную Афины. Истощённую, грязную, но ответственно закрывшую собой перед лицом неизвестности братика. Она была очень похожа на свою мать. На ту, которую сама ни разу ясно не видела. В углу коробки лежал ещё один

котёнок. Холодный. Неподвижный. У отъявленного одиночки, повесы и прожигателя кошачьих жизней сердце едва не остановилось.

Он вытащил мёртвого котенка, закопал его в клумбе на площади, а оставшимся в живых детям принёс мышь. Они ничего не смогли с ней сделать. Тогда он принёс им сосиску. Шпротину. Половинку шефталии. Свиные ушки. Кусочек сувлаки. Козий сыр. Результат был один — котята кричали, плакали и продолжали чахнуть. Писк их становился всё менее уверенным. Он стал спрашивать у своих друзей-забудыг, что делать, а те только посмеялись над ним.

Эта история стала байкой на помойке. Пока о несчастье котят не прослышала недавно окотившаяся Плебса — простая крепкая кошка. Она стала навещать к Афине и Ахиллу, её братику. Кормила их и убегала к своим родным деткам. Благодарный Памбос таскал Плебсе мышей и луканики, тайком оставлял их у её коробки или у коробки с собственными детьми. На своих детёнышей он смотрел издали, понимая, что ничего другого сделать не может. Он любил их, но стыдился того, что они его не знают, боялся, что они не простят ему то, что он не заботился об их матери. Не знал, что и как им рассказать.

Как-то раз Плебса решила перетащить чужих котят к своим — к чему уже эти различия. Она приняла их за своих и не хотела упускать из виду ни одного из котят. Но однажды Плебсу и Памбоса отловили «двуногие» из какой-то службы по контролю за дикими и бездомными животными. Коробку с ними, котятами и слабеньким Ахиллом погрузили в синий грузовичок и увезли навсегда — в особый приют для кошек.

Афина не знала ничего этого. Она лишь поняла — кошка выбрала из них двоих её брата, а странный кот со слезливыми глазами, ранее наблюдавший за ними издалека, просто перестал приходить.

Малышка тосковала. Не решалась даже плакать. Боялась спать. Пока наконец не решилась выбраться наружу. Выбравшись из коробки, Афина нерешительными шагами побрела куда глаза глядят. Брела она долго. Крошечное сердечко сжималось от одиночества, боли, покинутости и отчаяния. Глаза почти перестали видеть из-за слёз, лапки совсем ооченели, решимость покидала Афины. И вдруг она уткнулась сухим горячим носом в простые тряпочные кеды.

Фотини вывозила мусор на старом «Фиате». Полная коробка всякой дряни — это всё, что

осталось от подонка, который бросил её и ушёл к своей секретарше, крепкой и наглой девчонке из Восточной Европы. Счета за рестораны и цветы, пустые бутылки от дорогого виски, нераспакованные подарки, пепельница из макарон с кривыми, неправильно написанными буквами «папачке». Истерика затаилась где-то внутри этой тонкой, нежной, хрупкой «двуногой».

Молодая женщина скомкала рубашки, галстуки, ежедневники в одну кучу и пыталась облить её бензином из флакона для заправки зажигалок. Её колотила мелкая дрожь. Повезло девушке из Восточной Европы. Бойкая, смелая, но в то же время податливая, Фотини понимала своего бывшего мужа — легко ужиться с согласной на всё девчонкой, которая не видела жизни и следует любым установленным правилам.

Вдруг Фотини почувствовала, как через тонкую ткань дешёвых кед её словно ударило током — но так легко, так слабо, так беззащитно. Она опустила глаза и увидела крошечную Афины. Опустилась на колени и протянула к ней руки:

— Милая! Я считала себя самой слабой — но я достаточно сильна, чтобы помочь тебе. Ты хочешь пойти со мной и разделить огонь наших